

МОСКОВСКАЯ ХЕЛЬСИНКСКАЯ ГРУППА
123056, Москва, пер. Красина, д. 15 стр. 1, офис 1

+7 (499) 553-03-12
mhg@mhg.ru
<https://mhg.ru>

MOSCOW HELSINKI GROUP
of. 1, 15-1, per. Krasina, Moscow 123056, Russian Federation

РОО «Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений». Основана 12 мая 1976 года.

Борис Алышлер, Светлана Астраханцева, Вячеслав Базмин, Валерий Борщев, Алексей Головань, Ольга Зименкова, Борис Золотухин, Сергей Ковалёв, Юрий Костанов, Сергей Кривенко, Сергей Лукашевский, Дмитрий Макаров, Виктория Мамикова, Даниил Мещеряков, Владимир Миронов, Каринна Москаленко, Сергей Пашин, Александр Петров, Мара Полякова, Лев Пономарев, Генри Резник, Алексей Симонов, Сергей Сорокин, Лилия Шибанова, Георгий Зделаштейн

2 апреля 2021 года
Исх. № 148/21

**Уполномоченному по правам человека
в Российской Федерации
Т.Н. Москальковой**

Уважаемая Татьяна Николаевна!

Обращаюсь к Вам по вопросу нарушения прав ребёнка в Санкт-Петербурге в результате массового задержания детей полицией на частном детском мероприятии.

21 марта 2021 года (воскресенье) в Санкт-Петербурге на территории лофт-проекта «Этажи» по адресу: Лиговский проспект, 74, на открытой веранде третьего этажа, проходило частное детское мероприятие, посвященное теме аниме косплея. Как такового организатора встречи нет, это скорее результат спонтанных бесед в социальных сетях. Это постоянная группа друзей и знакомых, объединённых одним интересом - они встречаются регулярно по выходным, и это был уже не первый раз, когда они собирались этим составом по этой теме в этом конкретном месте. На мероприятие пришли фанаты мультфильмов в стиле аниме в самодельных костюмах своих любимых героев. В общей сложности пришло порядка 20 человек от 12 до 17 лет. Гости познакомились, беседовали, обменивались опытом косплея, фотографировались и танцевали.

В районе 13:10 неизвестный гость достал радужный флаг и предложил пришедшим с ним сфотографироваться. Через несколько минут после этого к детям подошли представители администрации лофт-проекта «Этажи» и сообщили им, что они их задерживают и вызывают полицию. Всех подростков заперли на веранде на холоде на следующие 40 минут в ожидании приезда наряда. В это время некоторые из задержанных детей смогли позвонить родителям, сообщить о задержании и попросить приехать.

В районе 13:50 в лофт-проект «Этажи» приехала полиция. Порядка 10 вооружённых сотрудников полиции окружили детей и объявили им, что те задерживаются в связи с нарушением статьи 6.21 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ), а именно, за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Свидетельства участников мероприятия о том, что оно не имеет никакого отношения к ЛГБТ-культуре и не пропагандирует однополые отношения, воздействия не возымели. При этом сами

сотрудники полиции не представились, попытались разрешить ситуацию без задержания и даже не озадачились вопросом уведомления законных представителей о задержании детей. Всех участников мероприятия задержали и поместили в автозак для транспортировки в отдел. К тому моменту некоторые родители, кому дети сами успели сообщить о задержании ранее, уже начали приезжать, и смогли сопроводить своих детей в автозак, чтобы поехать вместе.

В районе 14:30 их доставили в Отдел полиции № 76 Центрального района г. Санкт-Петербурга. Подростков завели внутрь отдела, а родителей оставили ожидать «вызова» в предбаннике. К 16:10 в отдел полиции приехала адвокат Светлана Ратникова, однако, в отдел её сразу не пустили, сославшись на «коронавирусные ограничения», пустили её только в 16:38, вместе с родителями, после многочисленных звонков на горячие линии службы собственной безопасности МВД и дежурного прокурора. По словам родителей и адвоката, пока дети были в отделе без законных или иных представителей, их опрашивала полиция. Опрашивали всех без исключения, даже 12-летнюю девочку. Им задавались вопросы о том, что они там делали, почему пропагандируют нетрадиционные сексуальные отношения, просили подтвердить своё наличие на видеозаписи. Тем, кто отказывался отвечать на вопросы без родителей угрожали, что они просидят в отделе полиции до утра.

К 18:25 всех задержанных, за исключением двух несовершеннолетних девочек, за которыми ещё не приехали родители, отпустили. По словам адвоката Светланы Ратниковой протоколы на подростков не составляли. С них и с их родителей хотели собрать объяснения по поводу участия в ЛГБТ-мероприятии. Так, у родителей спрашивали «как вы относитесь к ЛГБТ и к тому, что ваш ребенок пошел на ЛГБТ-мероприятие». Родители их дети пытались объяснить, что в таком мероприятии не участвовали, и что это был костюмированный фестиваль.

Родители позднее сообщали, что их дети не понимали, что происходит и за что их задерживают, из-за чего они испытали серьёзный стресс. Им пришлось вначале пробыть более получаса запертыми на холоде при температуре +2, затем они были задержаны вооружёнными сотрудниками полиции, многие без присутствия родителей, и помещены в холодный автозак, после чего им пришлось провести несколько часов в отделе полиции в условиях давления по поводу их участия в несуществующем мероприятии без законных представителей. Также родители, со слов детей, отмечали, что неизвестно, кто и зачем принёс радужный флаг, и они подозревают, что ситуация могла быть спровоцирована сотрудниками лофт-проекта «Этажи», потому что этого человека среди задержанных не было.

Полагаю, что действия сотрудников полиции были незаконными, непропорциональными, морально безответственными, не осуществлялись в наилучших интересах ребёнка, доставили детям серьёзный и необоснованный стресс, а само задержание должно квалифицироваться как «незаконное лишение свободы» по целому ряду оснований. В своей же совокупности действия как сотрудников полиции, так и сотрудников лофта, явили собой значительное нарушение гарантий прав ребёнка и человека, закреплённых в Конституции Российской Федерации, в Конвенции о правах ребёнка ООН от 1989 года и Европейской Конвенции о защите прав человека и

основных свобод. Подробное обоснование представленной позиции содержится в приложении к настоящему обращению.

На основании изложенного, руководствуясь международными стандартами по защите прав ребёнка и положениями российского закона, **прошу**:

1. Запросить компетентные органы провести проверку действий сотрудников полиции, осуществивших задержание несовершеннолетних, на предмет нарушения прав и законных интересов детей, и, в случае выявления нарушения, потребовать привлечь их к ответственности.
2. Представить настоящую проблему перед Министерством внутренних дел и выступить с позицией о недопустимости задержания детей в ситуациях, когда они не представляют серьёзной угрозы для общественного порядка, когда имеется возможность выяснить все обстоятельства и провести беседу или, при необходимости, составить административный материал на месте.

С уважением,

**Руководитель правовых программ
Московской Хельсинкской Группы
Роман Киселёв**

Тел.: +7 (968) 950 57 48

Эл. Почта: r.d.kiselev@gmail.com

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

по делу задержания детей в Санкт-Петербурге 21 марта 2021 года

Полагается, что действия сотрудников полиции при задержании несовершеннолетних в Санкт-Петербурге 21 марта 2021 года были незаконными, непропорциональными, не осуществлялись в наилучших интересах ребёнка, доставили детям серьёзный и необоснованный стресс, а само задержание должно квалифицироваться как «незаконное лишение свободы» по целому ряду оснований.

Во-первых, действия сотрудников полиции носили произвольный характер, а меры в виде административного задержания и доставления были необоснованными и применены в нарушение действующего законодательства. По результатам административных действий сотрудниками правоохранительных органов не были составлены надлежащие процессуальные документы из-за чего невозможно установить основания, обстоятельства и обоснованность задержания, доставления и последующего кратковременного лишения свободы.

Во-вторых, в ходе задержания были нарушены требования КоАП РФ и статьи 5 Европейской Конвенции. Закон не требует обязательного задержания и доставления в случае совершения административного правонарушения, а Европейская конвенция о защите прав и свобод указывает на необходимость наличия безусловных основания для применения мер обеспечения административного производства. Вместе с тем, сотрудники полиции множественные процессуальные нарушения, не позволяющие гарантировать права задержанных. Так, среди прочего, сотрудники полиции не известили должным образом родителей о задержании детей.

В-третьих, радужный флаг и его демонстрация не является «пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений» и не может считаться правонарушением и, как следствие, основанием для задержания.

В-четвёртых, произведённое задержание по смыслу Европейской конвенции, являет собой фактическое лишение свободы, а выявленные многочисленные процессуальные нарушения и отсутствие достаточных оснований для задержания позволяют говорить о незаконном характере лишения свободы.

В-пятых, совокупность обстоятельств, описанных выше, указывает на то, что задержание детей на встрече 21 марта 2021 года являет собой грубое нарушение прав ребёнка.

1. Действия сотрудников полиции носили произвольный и противозаконный характер, а меры в виде административного задержания и доставления были необоснованными и применены в нарушение действующего законодательства.

Статья 27.1 КоАП РФ устанавливает допустимые меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного

и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления

Административное задержание является одной из таких мер, и, согласно статье 27.3 КоАП РФ применяется в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (далее – 3-ФЗ) устанавливает круг лиц, в отношении которых допускается применение меры задержания, среди которых указаны лица, в отношении которых ведется производство по делам об административных правонарушениях, - по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены законодательством об административных правонарушениях;

В соответствии со статьёй 27.4 КоАП РФ об административном задержании составляется протокол, в котором указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о задержанном лице, время, место и мотивы задержания. Далее должностными лицами, в случае выявления события и состава административного правонарушения, составляется протокол об административном правонарушении, и тем самым возбуждается дело об административном правонарушении. При наличии хотя бы одного из обстоятельств, перечисленных в статье 24.5 настоящего Кодекса, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, выносят постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении.

На момент задержания дети не имели предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и КоАП процессуального статуса, позволяющего произвести задержание, на тот момент не было вынесено постановление о привлечении их в качестве обвиняемых, подозреваемых, и, судя по тому, что административные материалы в отношении них не составлялись, то и не подозревались в совершении какого-либо административного правонарушения.

В силу действующих норм КоАП, представители правоохранительных органов имеют две процессуальные стратегии поведения при производстве административного доставления и задержания гражданина:

— оформить административный материал и привлечь к административной ответственности в виде определённого административного наказания (будь то штраф, административный арест или предупреждение);

— прекратить административное производство по одному из оснований, предусмотренных статьёй 24.5 КоАП и издать постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении, тем самым признав необоснованность произведённого доставления и задержания.

Ни одному из задержанных, равно как и ни одному законному представителю задержанных, не были предоставлены протокол об административном задержании, протокол об административном доставлении, протокол об административном правонарушении или постановление о прекращении производства по делу об

административном правонарушении, к административной ответственности они также привлечены не были, на основании чего, можно сделать вывод о том, что действия сотрудников правоохранительных органов носили произвольный и противозаконный характер, а меры в виде административного задержания и доставления были необоснованными, носили произвольный характер и применены в нарушение действующего законодательства.

Такая вседозволенность в обход установленных процессуальных порядков открывает широкие возможности репрессивного применения правоохранительных органов для осуществления давления на неугодных, и посему видится недопустимой в демократическом обществе, основанном на принципах свободы и верховенства права.

2. В ходе задержания были нарушены требования КоАП РФ и статьи 5 Европейской Конвенции.

В соответствии с частью 1 статьи 27.3 КоАП РФ административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. Таким образом, сам факт совершения лицом административного правонарушения, тем более такого, которое не указано в части 2 статьи 27.5 КоАП РФ и за которое не может быть назначено наказание в виде административного ареста (а санкция приложимых частей статьи 6.21 КоАП РФ не предполагают административного ареста), не может служить безусловным основанием для применения к лицу меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в виде административного задержания. Данная позиция поддержана Европейского Суда во многих делах, например, в деле *Навальный и Яшин против России* (постановление от 4 декабря 2014 г., жалоба № 76204/11; пп. 68-69).

Учитывая же то, что большинство задержанных детей были младше 16 лет, привлечение к административной ответственности этих лиц, согласно статье 2.3 КоАП РФ, вовсе невозможно, отчего обоснованно произведённого задержания ещё больше подвергается сомнению.

Дополнительно стоит отметить, что сотрудниками полиции, производившими задержание, были допущены множественные нарушения процедуры обращения сотрудника полиции, установленной установленного Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». Сотрудники полиции, не представившись, осуществили задержание, при этом не разъяснив причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина, как это предписывает подпункт 2 пункта 4 статьи 5 вышеуказанного Федерального закона. Вместе с тем, часть 4 статьи 27.3 КоАП РФ требует, чтобы об административном задержании несовершеннолетнего в обязательном порядке уведомлялись его родители или иные законные представители.

Учитывая, что деятельность полиции в Российской Федерации основывается на принципе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина (статья 5 ФЗ о

полиции), а также на принципе обеспечения общественного доверия и поддержки граждан (статья 9), действия полиции в настоящем деле невозможно считать, как законными, так и добросовестными.

3. Радужный флаг и его демонстрация не является «пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений» и не может считаться правонарушением.

Необходимо сразу обозначить, что ситуации применения статьи 6.21 КоАП РФ, равно как и сама формула закона о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений», неоднократно становились предметом рассмотрения международных договорных органов на соответствие международным стандартам прав человека.

В 2017 году Европейский суд по правам человека в знаковом деле *Баев и другие против России* (Жалобы № 67667/09 и две другие) проанализировал на совместимость с Европейской конвенцией требования КоАП РФ в части привлечения к ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Суд постановил, что привлечение заявителей к ответственности за публичное выражение мнения по вопросу гомосексуализма не согласуется с конвенционными гарантиями и являет собой нарушение статьи 10 (свобода выражения мнения) и статьи 14 (запрещение дискриминации).

Суд пришёл к выводу, что рассматриваемое законодательство предрасположено к предрассудкам, базируется на необоснованных отсылках к «традиции», на ложных представлениях о гомосексуальности в контексте вреда здоровью, и по своей сути культивирует дискриминационное отношение гетеросексуального большинства по отношению к гомосексуальному меньшинству.

Что же касается самой пропаганды, Суд отметил, следуя выводам Венецианской комиссии, изложенном в мнении от 18 июня 2013 года № 707-2012, что терминология, использованная в рассматриваемом законодательстве, позволяет расширительное толкование соответствующих норм. Широкие же границы этих норм не позволяют обеспечить предсказуемость их применения. Существующая практика применения закона позволяет убедиться в недостижимости предъявляемых требований, в отношении выражения мнения о гомосексуальности, и что фактически они устанавливают запрет на публичное выражение любого не негативного мнения о ней.

К схожим выводам пришёл по аналогичному делу и Комитет ООН по правам человека. В 2012 году Комитет рассмотрел жалобу по делу *Федотова против России* на административное наказание, назначенное согласно Закону Рязанской области N 41-ОЗ, содержащему положение «о запрете пропаганды гомосексуализма». Комитет пришёл к выводу, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении Российской Федерацией пункта 2 статьи 19 (право на выражение мнения) в совокупности со статьей 26 (право не быть подвергнутым дискриминации) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года.

Вместе с тем, даже уходя от непосредственной критики настоящего закона, нет оснований полагать, что он мог быть в настоящей ситуации применим, ввиду его толкования полномочными органами власти.

В том же самом деле *Баев и другие против России* представители российской власти утверждали, что «термины “агитация” или “пропаганда” следует понимать как активное распространение информации с целью побудить других лиц к восприятию конкретных ценностей и (или) поведенческих установок или побудить других лиц к совершению или к отказу от совершения определенных действий.»

Представление о содержании пропаганды в контексте нетрадиционных сексуальных отношений получило отдельное развитие в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 года № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова».

По мнению Суда пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений - это деятельности по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию.

«Учитывая деликатный характер вопросов, касающихся сексуального самоопределения личности, неразрывно связанного с правом на частную жизнь и индивидуальную автономию как конституционными ценностями, вмешательство в которые со стороны государства должно быть минимальным, запрет на пропаганду среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений или навязывание им информации о таких отношениях не подлежит расширительному толкованию и его необходимо рассматривать в контексте обстоятельств, на которые сделан акцент в части 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации и которыми только при таком - узконаправленном - толковании может быть оправдано отступление от общих конституционно защищаемых принципов индивидуальной автономии, невмешательства в частную жизнь и свободы слова, при условии обеспечения баланса с другими конституционными ценностями, включая защиту семьи, материнства, отцовства и детства. <...>

Поскольку цель нормативного регулирования, установленного частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, заключается в недопущении или ограничении соответствующего информационного воздействия на несовершеннолетних и не предполагает автоматического запрета на распространение любой информации в области нетрадиционных сексуальных отношений, конституционно-правовая допустимость запрета на их пропаганду среди несовершеннолетних должна оцениваться исходя из характера информации, понимаемой как пропаганда, ее потенциальной аудитории (целенаправленное информационное воздействие на несовершеннолетних) и места распространения. <...>

[С]ледует учитывать изложенную в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 года № 15-П правовую позицию о необходимости разграничения информирования и агитации как совокупности действий, побуждающих или имеющих целью побудить субъектов правовых отношений к определенному поведению. <...>

При установлении в рамках конкретного административно-деликтного производства, обладает или не обладает указанными признаками пропаганда,

подпадающая под предусмотренный частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации запрет, правоприменительные органы не могут не принимать во внимание специфику адресата этой пропаганды - несовершеннолетних, а адресующее им ту или иную информацию в столь деликатной сфере, как сексуальные отношения, лицо должно осознавать, что обычное, с его точки зрения, информирование в конкретной ситуации может иметь свойства агитации (пропаганды), если будет доказано, что его целью являлось распространение (или тем более - навязывание) информации определенного содержания. Вместе с тем тот факт, что информация о нетрадиционных сексуальных отношениях оказалась или могла оказаться доступной для несовершеннолетних, сам по себе, в отрыве от всех обстоятельств дела, не может служить основанием для применения к этому лицу мер государственного принуждения в форме административной ответственности, - противоправным и административно наказуемым может признаваться только умышленное совершение лицом соответствующих публичных действий, непосредственно направленных на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, либо умышленное совершение тех же действий лицом, которое сознательно допускало, что среди получателей информации могут быть несовершеннолетние, или относилось к этому безразлично. <...>

Соответственно, оценка конкретных действий лица как подпадающих под запрет, установленный частью 1 статьи 6.21 КоАП Российской Федерации, предполагает недопустимость формального подхода при принятии решения судами общей юрисдикции, которые должны учитывать весь комплекс фактических обстоятельств, подтверждающих или, напротив, опровергающих наличие в этих действиях признаков противоправной пропаганды или навязывания информации, направленности на недопустимую популяризацию среди несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных отношений, а также время, место и способ распространения соответствующей информации, мотивы, которыми руководствовалось распространявшее ее лицо, в том числе с точки зрения их значения для обеспечения защиты прав и законных интересов лиц, относящихся к сексуальным меньшинствам.»

Резюмируя позицию Суда можно заключить следующее. Для того, чтобы действие подпадало под запрет, установленный статьёй 6.21 КоАП РФ, требуется соблюдение ряда критериев как при квалификации деяния, так и при оценке допустимости и соразмерности вмешательства, потому как сам запрет не предполагает автоматического запрета распространения информации о нетрадиционных сексуальных отношениях.

При квалификации деяния требуется:

- 1) оценивать ситуацию исходя из характера информации, понимаемой как пропаганда, ее потенциальной аудитории (целенаправленное информационное воздействие на несовершеннолетних) и места распространения;
- 2) понимать пропаганду как совокупность действий, побуждающих или имеющих целью побудить субъектов правовых отношений к определенному поведению;
- 3) иметь ввиду, что противоправным и административно наказуемым может признаваться только умышленное деяние;

Вместе с тем, при оценке допустимости и соразмерности вмешательства требуется руководствоваться тем, что:

- 1) потенциальное вмешательство в конституционно защищаемые права должно быть минимальным;
- 2) запрет на пропаганду не подлежит расширительному толкованию и должен быть исключительно узконаправленным;
- 3) требуется обеспечивать баланс с другими конституционно защищаемыми правами.

Исходя из вышеизложенного, есть все основания полагать, что настоящая ситуация никоим образом не соответствует критериям запрета на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений.

Во-первых, радужный флаг не являет собой непосредственно конкретный посыл, которые можно прочесть как побуждение к чему-либо. Радужный флаг используется не только международным движением ЛГБТ, но и движением за мир «РАСЕ». А в отсутствие конкретных свидетельств с места событий, невозможно доподлинно установить «идеологическую принадлежность» того конкретного флага. Если же говорить непосредственно про ЛГБТ-движение, то целью этого движения является не «пропаганда однополых связей», а, в первую очередь, борьба за равные гражданско-политические права и признание в обществе. Радужный флаг является символом этого движения, но сложно с него считать конкретные побуждающие к чему-либо послы, которые могли бы негативно сказаться на детях. Очень часто данный символ используется для демонстрации своей принадлежности к движению, его поддержке или для обозначения своей сексуальной ориентации. Всё это не является пропагандой, а является актом выражения собственной идентичности, что крайне важно для детей.

Исходя из наличествующей информации невозможно сделать никаких обоснованных утверждений ни о побуждающих смыслах, ни о намерениях демонстрирующих, ни о наличии конкретного умысла. Предполагая же, что дети сами не могут полноценным образом оценить вопросы, связанные с нетрадиционными сексуальными отношениями, то вдвойне непонятно, как сами дети могут осознанно побуждать кого-либо к подобным сексуальным отношениям.

Даже если допускать, что данный акт каким-то образом мог кому-то нанести вред, что крайне сомнительно, очевидно, что императивное вмешательство государства в этот вопрос будет категорически непропорциональным цели. Особенно учитывая, что флаг демонстрировался самими детьми на своём же закрытом мероприятии и не был адресован никакому широкому зрителю.

Отдельно стоит обратить внимание и на то, что дети, как любой другой полноценный человек, могут иметь право на собственную идентичность и выражение мнения. Можно даже сказать, что в контексте взросления, эта возможность является интегральной для полноценного становления человека. И очевидно, что по самому факту принадлежности к возрастной категории «дети», их аудитория скорее всего будет относиться к этой же самой возрастной категории. Если мы презюмируем, что демонстрация ребёнком радужного флага среди группы своих сверстников, по тем или иным причинам, является незаконной и запрещённой деятельностью, то фактически

нам придётся признать невозможность детей самостоятельно делиться и обсуждать между собой идеи и мысли вокруг тему нетрадиционных сексуальных отношений, а также выразить свою индивидуальность, если они считают себя принадлежащими к группе людей, так или иначе, связанной с темой нетрадиционных сексуальных отношений.

А учитывая, что в некоторых случаях, субъектами самовыражения могут являться гомосексуальные дети, фактически подобный запрет означал бы полную невозможность демонстрации и отрицание их идентичности, воззрений, сексуальных предпочтений, а также означал бы невозможность полноценно развивать межличностные и романтические отношения.

В результате, можно с уверенностью говорить, что действия детей не имели в себе никакого состава административного правонарушения, а являли собой исключительно законное выражение базовых прав и свобод. В этой связи, основание для задержания, избранное правоохранителями, также является незаконным.

4. Согласно позиции Европейского Суда по правам человека любое лишение свободы должно не только осуществляться в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но и отвечать предписаниям статьи 5 Европейской конвенции, исчерпывающим образом определяющей обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 июня 2009 года № 9-П указывает, что согласно статье 22 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (часть 1); арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению; до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (часть 2). Из данной статьи во взаимосвязи со статьями 1, 2, 15, 17, 19, 21 и 55 Конституции Российской Федерации следует, что право на свободу и личную неприкосновенность как одно из основных прав, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, может быть ограничено лишь при соблюдении общеправовых принципов и на основе конституционных критериев необходимости, разумности и соразмерности, с тем чтобы не допустить утраты самого существа данного права.

Корреспондирующая приведенным конституционным положениям о праве каждого на свободу и личную неприкосновенность статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющаяся в силу части 4 статьи 15 и части 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации составной частью российской правовой системы и имеющая приоритет перед внутренним законодательством, закрепляет основополагающие в демократическом обществе гарантии данного права, включая гарантии защиты от незаконного лишения свободы.

Согласно пункту 1 статьи 5 Конвенции каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность; никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом; б) законное задержание или

заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом; с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом; e) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг; f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

Как неоднократно подчеркивал в своих решениях Европейский Суд по правам человека, любое лишение свободы должно не только осуществляться в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но и отвечать предписаниям статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, исчерпывающим образом определяющей обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях (пункт 42 Постановления от 22 марта 1995 года по делу *Кинн против Франции*, пункты 57 и 61 Постановления от 27 ноября 1997 года по делу *К.-Ф. против Германии*, пункт 122 Постановления от 25 мая 1998 года по делу *Курт против Турции*).

Понятие «*лишение свободы*» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы (будь то санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу), должны отвечать критериям правомерности именно в контексте статьи 22 Конституции Российской Федерации и статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы.

Задержание, арест, заключение под стражу и содержание под стражей, несмотря на их процессуальные различия, по сути есть лишение свободы. В связи с этим Европейский Суд по правам человека, отмечая при толковании соответствующих положений Конвенции, что лишение физической свободы фактически может приобретать разнообразные формы, не всегда адекватные классическому тюремному заключению, предлагает оценивать их не по формальным, а по сущностным признакам, таким как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества, семьи, прекращение выполнения служебных обязанностей, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц (пункт 14 Постановления от 1 июля 1961 года по делу *Лоулесс против Ирландии* (N 3),

пункты 92 и 102 Постановления от 6 ноября 1980 года по делу *Гуццарди против Италии*, пункты 55 и 68 Постановления от 28 октября 1994 года по делу *Мюррей против Соединенного Королевства*), пункт 42 Постановления от 24 ноября 1994 года по делу *Кеммаш против Франции* (N 3)).

Европейский Суд по правам человека считает, что статья 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашая право на свободу и личную неприкосновенность, говорит о физической свободе лица; ее цель - гарантировать, чтобы никто не мог быть произвольно лишен свободы в смысле данной статьи, для чего следует исходить из конкретной ситуации и учитывать такие критерии, как характер, продолжительность, последствия и условия исполнения рассматриваемой меры; лишение свободы и ограничение свободы отличаются друг от друга лишь степенью или интенсивностью, а не природой или сущностью (пункт 42 Постановления от 25 июня 1996 года по делу *Амюур против Франции*).

Таким образом, положения статей 22 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее официальном истолковании Европейским Судом по правам человека определяют характер и пределы допустимых ограничений права на свободу и личную неприкосновенность, устанавливаемых федеральным законодателем при регулировании принудительных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Соответственно, принудительные меры, обеспечивающие производство по делам об административных правонарушениях, - поскольку они связаны с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, не могут и применяться в противоречии с указанными предписаниями.

В частности, административное задержание в качестве принудительной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении не может применяться, если оно не обусловлено целями, определенными в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, в силу которого законным признается задержание лица, произведенное с тем чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

Понятие «законное задержание», употребленное в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, как и понятие «задержание, произведенное в установленном законом порядке» включают обязанность осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях органов государственной власти и их должностных лиц соблюдать нормы материального и процессуального законодательства. В контексте содержащихся в данной норме предписаний это означает, что задержанный имеет право на проверку соблюдения органом государственной власти или его должностным лицом законодательных положений, необходимых для признания примененной к нему принудительной меры законной в указанном смысле, а суд, в свою очередь, должен проверить как соблюдение процессуальных норм, на основе которых производится задержание, так и обоснованность этой меры с точки зрения целей, а также исходя из того, была ли она

необходимой и разумной в конкретных обстоятельствах, послуживших основанием для ее применения. При этом должностное лицо, производящее административное задержание, должно располагать такими фактами и сведениями, которые достаточны для объективно обоснованного подозрения в том, что задерживаемый мог совершить соответствующее правонарушение. Задержание во всяком случае не может быть признано обоснованным, если действия, вменяемые задержанному, в момент их совершения не могли расцениваться как правонарушение.

В результате, можно утверждать, что нормы национального процессуального права не соблюдены, а обстоятельства применения административного задержания не отвечает обстоятельствам, предусмотренным Конвенцией. Таким образом, задержание должно быть квалифицировано как незаконное лишение свободы.

5. Совокупность обстоятельств, описанных выше, указывает на то, что задержание детей на встрече 21 марта 2021 года являет собой грубое нарушение прав ребёнка.

Конвенция о правах ребёнка ООН 1989 года, подписантом которой является Российская Федерация, устанавливает целый перечень фундаментальных гарантий прав присущих всем детям.

Статья 3 Конвенции требуется, чтобы «[в]о всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка».

Статья 8 устанавливает обязанность «уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности».

Статьи 12 и 13 Конвенции гарантируют ребёнку право «сформулировать свои собственные взгляды, право свободно выразить эти взгляды», а также «свободно выразить свое мнение».

Статья 15 Конвенции гарантирует «право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний».

Статья 16 Конвенции устанавливает, что «и один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию».

Статья 19 Конвенции обязывает государства-участников принимать «все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке».

Часть «б» статьи 37 требует, чтобы *«ни один ребенок не был лишен свободы незаконным или произвольным образом. Арест, задержание или тюремное заключение ребенка осуществляются согласно закону и используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени»*.

В силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации данные конвенциональные гарантии являются составной частью правовой системы Российской Федерации и потому обязательны для исполнения на территории России.

В ходе событий 21 марта 2021 года правоохранительные органы совершили вторжение в законные права детей на сохранение своей индивидуальности, свободное выражение мнения, право на собрание, сделав их объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление права на личную жизнь и незаконно лишены свободы. Это вторжение было совершено грубым и бесцеремонным образом, без должной заботы и физическом и психологическом благополучие детей и рисковало обратиться долгосрочными последствиями для них. Все вышеописанные фактические и правовые обстоятельства позволяют говорить о том, что действия сотрудников полиции были осуществлены не в наилучших интересах ребёнка.